

13. Чумакова Т. В. Ностальгия по раю: утопический контекст древнерусской мысли [Электрон. ресурс]. URL: <http://chumakovatv.narod.ru/nostalgia.htm>
14. Шацкий Е. Утопия и традиция. М., 1990.

Н. А. Шведюк
г. Оломоуц (Чехия)

Изображение дома в романе Л. Улицкой «Казус Кукоцкого»

В романе «Казус Кукоцкого» Л. Улицкая продолжает разработку темы дома и семьи, поднятую ею в предыдущих произведениях. Принцип, по которому построено описание дома, схож с принципом описания дома в романе «Медея и ее дети». Личное время в романе переплетается с историческим временем. Так, при описании зарождения рода Кукоцких автор дает исторический экскурс: «Откуда взялась сама фамилия Кукоцких, доподлинно не известно, но, по семейной легенде, предок Авдей происходил из местности Кукуй, где построена была при Петре Первом Немецкая слобода» [4]. Вспомним, в романе «Медея и ее дети» Л. Улицкая так же подробно рассказывает о фамилии рода Мендэс, о ее родовой линии.

Несколько расплывчато в романе представлен тип античной биографии. Автор показывает влияние воспитания на человека: «С детства Павел Алексеевич испытывал тайный интерес к устройству всего живого», «он, замирая сердцем, доставал со средней полки шведского, с тяжелыми выдвижными стеклами шкафа три заветных тома известнейшей в свое время медицинской энциклопедии Платена» [4].

Автор расширяет пространство небольшого кабинета отца, обращая читателя к иным пространствам и временам. Л. Улицкая очень внимательна к деталям, временами возникает ощущение, что даже излишне, но мы не раз столкнемся с тем, как детали «работают» в произведении Улицкой. Например, надтреснувшая чашка служит барометром благополучия семьи, когда между Еленой и Павлом происходит конфликт из-за

судьбы Тома, чашка, которую собиралась мыть Елена, «коснувшись дна мойки... развалилась» [4].

В романе происходит соединение двух тайных пространств, двух личностей: «Два тайновидца жили рядом. Ему была прозрачна живая материя, ей открывалась отчасти прозрачность какого-то иного, не материального мира» [Там же]. При появлении в доме нового человека (Томочки Полосухиной) общее пространство спальни разобщилось. «Они почти не разговаривали, только по домашней необходимости. В первый же вечер, когда дети Полосухины появились дома, Елена постелила мужу на диване в кабинете» [Там же]. Так, при появлении в доме Томочки пространство каждого члена семьи уменьшилось, герои стали теснее соприкасаться друг с другом, и это соприкосновение повлияло на судьбу самих девочек: Таня забросила свое увлечение музыкой, Томочка же, наоборот, заметно преобразилась.

При частом изменении ситуаций, при внедрении новых героев, которые чужды и неорганичны дому, очень трудно говорить о какой-либо гармонии, идиллии в доме, как это было в романе «Медея и ее дети». Слишком много переломных моментов происходит с семьей Кукоцких. Единственным местом, где встречается в чистом виде идиллический хронотоп [1], так активно проявивший себя в романе «Медея и ее дети», служит дача Кукоцких.

Единение с природой, медленное течение времени, беззаботность. Автор представляет нам идиллический пейзаж. На даче практически не бывает посторонних, девочка, приемная дочь Кукоцкого, живет вдвоем с Василисой: «Утренняя порция сладкого козьего молока в белой фарфоровой кружке, законные сугробы» [4]. В жизни героев абсолютная гармония (по Бахтину, «единение разных возрастов, еда, питье, гармония»), которую никто не пытался нарушить, «ничего насильного в ее [Таниной] жизни не было» [Там же]. Данное пространство описывается в определенный отрезок времени, практически не существует каких-либо динамических изменений. Дача Павла Алексеевича напоминает дом Медеи по своей атмосфере и пространственной организации. Дом же Кукоцких создан автором в абсолютно ином воплощении, вследствие другого типажа главного персонажа.

Поскольку главным героем является мужчина, а не женщина (как это было в романе «Медея и ее дети»), большее внимание уделяется работе, самореализации себя вне дома. Работа частично переносится на дом; даже свою будущую жену Павел сам оперировал, привез из больницы к себе в дом. С изменением расстановки акцентов (Медея — дом,

Павел — работа) происходит и изменение ведущего хронотопа. В романе «Медея и ее дети» основным хронотопом является идиллический хронотоп, в романе «Казус Кукоцкого» трудно однозначно определить ведущий тип хронотопа, но немаловажное место занимает хронотоп раблезианский.

Главный герой, Павел Кукоцкий, так же как и Медея, медик, но очень талантливый, погруженный в науку. Для него органичное местонахождение — смотровые кабинеты и больничные палаты. Как отмечает в своей диссертации Н. А. Егорова [2], наделяя персонажа фамилией Кукоцкий, автор делает установку на знание читателем истории медицины, отсылает его к имени известного хирурга С. И. Спасокукоцкого. Но Л. Улицкая опровергает это: «У самого Кукоцкого нет цельного прототипа...» [3].

Проза Л. Улицкой всегда онтологична, в центре ее внимания всегда стоит человек, «он — самое интересное» [5]. В романе происходит следующий процесс: необъятное пространство и время заключаются внутри человеческого существа. Как отмечал М. М. Бахтин, человек всегда хронотопичен [1]. Пространство работы врача, т. е. человеческое тело и его органы, описываются Л. Улицкой поэтизированно, что указывает на черты, присущие раблезианскому хронотопу: «...чувство неловкости от разглядывания ее лица было столь сильным, что он опустил глаза вниз, туда, где полагалось быть волнистой укладке перламутрового кишечника» [4]. Построение рядов — специфическая особенность раблезианского хронотопа. По М. М. Бахтину, все разнообразнейшие ряды у Рабле могут быть сведены в следующие основные группы: 1) ряды человеческого тела в анатомическом и физиологическом разрезе; 2) ряды человеческой одежды; 3) ряд еды и питья; 4) половые ряды (совокупление); 5) ряды смерти и др. [1].

В раблезианском хронотопе можно показать всю необычайную сложность и глубину человеческого тела и его жизни и раскрыть новое значение, новое место человеческой телесности в реальном пространственно-временном мире. В соотнесении с конкретной человеческой телесностью и весь остальной мир приобретает новый смысл и конкретную реальность, материальность, вступает не в символический, а в материальный пространственно-временной контакт с человеком.

Раблезианский хронотоп является одним из ведущих хронотопов произведения, так как напрямую соотнесен с главным героем Павлом Кукоцким и его дочерью Таней. Дом изображен динамически, герои не привязаны к определенному месту проживания, нет четкого традиционного семейного уклада, как это было в романе «Медея и ее дети».

-
1. Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975.
 2. Егорова Н. А. Проза Л. Улицкой 1980–2000-х годов: проблематика и поэтика : дис. ... канд. филол. наук. Астрахань, 2007.
 3. Мартюшева Т. Мировой компот, или Казус Кукоцкого [Электрон. ресурс]. URL: [http://www.erfolg.ru/culture/\[\]ulizkaya.htm](http://www.erfolg.ru/culture/[]ulizkaya.htm)
 4. Улицкая Л. Е. Казус Кукоцкого. М., 2001.
 5. Улицкая Л. Е. Я пишу для Вас: [Беседа с писательницей Л. Улицкой] // Семья и школа. 2002. № 3. С. 24–27.

Е. Ю. Шер
г. Екатеринбург

**«Последний Колонна» В. К. Кюхельбекера
и русский «роман в письмах» первой трети XIX в.:
к проблеме жанровой идентификации**

К моменту создания В. К. Кюхельбекером «Последнего Колонны» в западноевропейской литературе уже существовала богатая традиция эпистолярного романа, на которую писатель, несомненно, мог опираться (например, «Памела» (1740), «Кларисса» (1747–1748) С. Ричардсона; «Новая Элоиза» (1761) Ж.-Ж. Руссо; «Страдания юного Вертера» (1774) И. В. Гете; «Опасные связи» (1782) П. Ш. де Лакло и др.).

Согласно общепринятой точке зрения, русская литература второй половины XVIII в., реагируя на уже сложившуюся традицию европейского эпистолярного романа, на готовый жанровый канон, не участвовала в процессе становления жанра, лишь осваивая его на русской почве. Так, выполняя функцию «перевода» на русский язык европейского романа в письмах, воспроизводя его жанровый канон, «Письма Эрнеста и Доравры» (1766) Ф. Эмина, «Роза» (1788), «Игра судьбы» (1789) Н. Эмина оказываются «близким подражанием» «Новой Элоизе» Руссо — «примером внешнего, поверхностного усвоения новой формы романа, выработанной Ричардсоном и Руссо, формы романа эпистолярного, романа в письмах» [9, с. 41].